

УДК 398.224(=512.1)(091)
DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58362

Т. А. Кобыратбай

Казахский национальный женский педагогический университет

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА (историографические аспекты)

Аннотация. Актуальность темы исследования заключается в герменевтическом изучении многолетней практики исследования эпического наследия в советской и постсоветской фольклористике. В статье отмечается, что несмотря на доминирование отдельных методологических подходов, в частности, поэтического и типологического направлений, в казахском эпосоведении сохранились следы исторического изучения эпоса.

Цель настоящей статьи, охватывающей процесс изучения различных методологических установок, заключается в раскрытии основной причины, по которой научные постулаты исторической школы в фольклористике якобы были признаны устаревшими. С этой целью совершается научный экскурс в область фольклористики XX и XXI вв., подвергаются критическому анализу различные взгляды отдельных ученых, некоторые из которых переросли в доминирующие методологические установки.

Основная задача статьи – определение возможностей поэтического и этнического методов исследования в раскрытии познавательной сущности героического эпоса. С этой целью вычленяются методологические возможности типологического метода. Анализируются научные труды эпосоведов, которые совершали научные изыскания в рамках указанного метода. Отмечаются отдельные просчеты, выраженные в виде использования одних методологических установок, сформулированных при изучении эпического наследия одной культуры по отношению к другой. Указываются основные различия эпического наследия славянских и тюркских народов: в одном случае преобладают катойконимы, в другом – этнонимы. На этом фоне описывается этнический характер казахского эпоса.

Это совершенно новое направление в фольклористике, которое только набирает обороты. Все дело в том, что на протяжении многих лет фольклор, в т. ч. эпическое наследие, рассматривался как искусство слова, тогда как этническое направление изучает его как народную память, отголоски истории, этнический источник. Необходимость изучения героического эпоса в качестве этнического источника объясняется ростом исторического сознания отдельных народов, включая потребности современной науки.

Ключевые слова: фольклор, былина, эпос, эпическое наследие, поэтика, типология, историзм, историческая школа, сравнительный метод, эпос, этнос, этнический характер.

Т. А. Kongyratbay

To the methodology of studying the ethnic nature of the heroic epic (historiographic aspects)

Abstract. The relevance of the research topic lies in the hermeneutical study of the long-standing practice of researching the epic heritage in Soviet and post-Soviet folklore studies. The article notes that despite the dominance of individual methodological approaches, in particular, the poetic and typological directions, traces of the historical study of the epic have been preserved in the Kazakh epic studies.

The purpose of this article, covering the process of studying various methodological settings, is to disclose the main reason why the academic postulates of the historical school of folklore were supposedly considered obsolete. To this end, an academic excursion is made into the field of folklore of the 20th and 21st centuries, various views of individual scholars are subjected to critical analysis, some of which have grown into dominant methodological guidelines.

КОНЫРАТБАЙ Тынысбек Ауелбекулы – д. филол. н., проф. филологии и искусствоведения, зав. каф. теории и методики музыкального образования факультета искусства и культуры Казахского национально-женского педагогического университета, Алматы, Казахстан.

E-mail: tynysbek55@mail.ru

KONGYRATBAY Tynysbek Auelbekuly – Doctor of Philological Sciences, Prof. of Philology and Art History, Head of the Chair of Theory and Methods of Music Education of the Faculty of Art and Culture, Kazakh National Women's Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: tynysbek55@mail.ru

The main objective of the article is to determine the possibilities of poetic and ethnic research methods in revealing the cognitive essence of the heroic epic. For this purpose, the methodological capabilities of the typological method are singled out. The academic works of the researchers who have done academic research in the framework of this method are analyzed. Separate miscalculations are noted, expressed in the form of using one methodological framework formulated in the study of the epic heritage of one culture in relation to another. The main differences of the epic heritage of the Slavic and Turkic peoples are indicated: in one case, toponyms predominate, in the other, ethnonyms. Against this background, the ethnic character of the Kazakh epic is described.

This is a completely new direction in folklore, which is only gaining momentum. The thing is that for many years, folklore, including the epic heritage, was considered as the art of the word, while the ethnic direction studies it as a folk memory, echoes of history, and an ethnic source. The need to study the heroic epic as an ethnic source is explained by the growth of historical consciousness of individual peoples, including the needs of modern science.

Keywords: folklore, epic, epic heritage, poetics, typology, historicism, historical school, comparative method, ethnicity, ethnic character.

Введение

Каждый народ имеет свою неповторимую культуру, которая формируется на протяжении многих столетий. Одним из художественно-познавательных направлений в истории какого-либо народа является фольклор, особенно героические сказания, отличающиеся не только историческим фоном, но и этническим характером. В этой связи, наряду со всемирно известными эпическими наследиями античности, как «Илиада» и «Одиссея», «Калевала» и «Нибелунги», можно вспомнить эпические сказания народов Востока: «Китаб-и дадам Коркуд», «Коруглы», «Манас», «Кобланды», «Алпамыс», «Гэсэр», «Джангар» и т. д. Сюда же можно отнести героические сказания ногайлинского периода, которые представляют собой стадияльно позднее явление. В этих сказаниях нашли отражение отдельные историко-этнические процессы, по сей день не изученные академической исторической наукой.

На широком фоне музыкально-эпической традиции народов Центральной Азии формировался репертуар, тесно связанный с этнической историей кочевых племен. В условиях родоплеменной организации общества иного пути развития быть не могло. В зависимости от содержания и периода возникновения в этих эпических сказаниях освещаются события различных эпох и времен. Подобная стадияльная проблема была хорошо изучена фольклористикой советского периода. При этом стадияльность прослеживается не только в содержании эпических сказаний, освещающих архаические, героические, романические и исторические события. Вместе с тем в них усматриваются этнографические сведения о верованиях, особенностях быта и уклада жизни древних племен. Все эти сведения в совокупности определяют ценность эпического наследия.

На протяжении векового периода становления эпосоведение прошло через призму различных научных направлений, концепций и методологических установок. В свое время В. Г. Белинский писал, что «в народной поэзии есть нечто такое, чего не может заменить нам художественная поэзия» [1, с. 309]. В этих словах великого просветителя прослеживается идея о взаимосвязи народной поэзии с этническим сознанием народа.

На сегодняшний день изучение эпического наследия сталкивается с многочисленными нерешенными проблемами. Фольклористика XX в., ориентированная на советскую коммунистическую идеологию, после 1950-х гг. резко отошла от прежних позиций и односторонне увлеклась вопросами поэтики. В своих научных изысканиях В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов, сами не подозревая того, пытались найти общее художественное «клише» для эпических сказаний, формировавшихся в условиях славянской и тюркской культур. Так, Б. Н. Путилов на сюжетном уровне пытался нащупать общие художественные каноны для казахского «Кобыланды», русского «Илья Муромца» и алтайского «Маадай-Кара» [2, с. 37-41]. Однако подобный типологический подход, исключавший временные, историко-этнические особенности этих сказаний, к существенным результатам не привел. Потому что при определении общей типологии этих трех сказаний автор не учел не только национальные своеобразия, особенности религиозных верований, но и художественно-стадияльные уровни мышления. В русских былинах, например, нет сведений этнического порядка. Там больше используются катойконимы – псковитян,

новгородец, суздаец и т. д. В эпосе саяно-алтайского нагорья, по определению С. Ш. Чагдурова, преобладают элементы мифологии [3, с. 8]. По этой причине С. Ю. Неклюдов считает, что монгольский эпос архаичнее тюркского [4, с. 97]. Героический эпос казахского народа отличается этническим характером. Там очень много автоэтнонимов и аллоэтнонимов, которые проливают свет в историческое прошлое народа.

Начиная с 50-х гг. прошлого столетия советская идеология запретила пропагандировать эпические сказания отдельных народов, входивших в состав СССР, по той лишь причине, что они были созданы в феодальную эпоху. В середине 1940-х гг. партийная организация Татарстана принимает постановление о вредности эпоса «Едигей». В 1950-е гг. все общеизвестные эпические сказания народов СССР были исключены из школьных и вузовских программ. Начиная с 1956 г., когда шли научные дискуссии вокруг народности эпоса, по отношению к эпическому наследию народов Центральной Азии применялся термин «племенной эпос». А. К. Боровков разделил их на три группы: кипчакский эпос, огузо-туркменский эпос и кыргызский эпос [5, с. 67]. Однако при изучении русских былин термин «племенной эпос» не был использован ни одним исследователем фольклора, включая В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова. Таким образом, ввиду отсутствия следов этнического сознания в русских былинах, историческое изучение героического эпоса было отодвинуто на задний план. И это благодаря советской идеологии, которая стремилась к объединению культур различных этносов и народов.

На пути к этническому изучению

Изучение эпического наследия различных народов, отличающихся по этнографическому укладу, религиозным верованиям и образу жизни – одно из распространенных недостатков фольклористики советского периода. В образцах казахского героического эпоса, формировавшихся в условиях патриархального строя, на первый план выходит этническая номенклатура. Изучение историзма эпических сказаний, сплетенного с этнической историей тюркоязычных племен, составляет основную проблему эпосоведения на современном этапе. Полемика, вспыхнувшая между историками и фольклористами в начале 60-х гг. прошлого столетия, к существенным результатам не привела. Б. А. Рыбаков и В. Я. Пропп не пришли к компромиссу, хотя художественно-поэтическое изучение былин стало доминировать над историческим освоением.

Справедливости ради надо отметить, что по результатам бурной научной конференции историческое направление в фольклористике не было официально опровергнуто. Этой методологической проблеме – изучению историзма былин ученые-фольклористы обращались и позднее. Основные постулаты исторической школы продолжали существовать параллельно с типологической теорией. Научно-познавательный процесс вновь и вновь возвращался к историко-этническим истокам героического эпоса.

Изучением этой самой проблемы были заняты многие казахские ученые в лице основоположников академического литературоведения – М. Ауэзова, Е. Исмаилова, А. Кобыратбаева, А. Маргулана и др. можно с уверенностью сказать, что все они прошли через призму исторической школы. Их научные суждения необходимо рассматривать как заметный вклад в историческое изучение героического эпоса казахского народа.

Однако эпосоведы 1970-1980-х гг., вооруженные методологическими установками корифеев советской фольклористики – В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, стали дистанцироваться от исторического изучения героического эпоса без должной научной аргументации. Историческим постановлением ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии общественно-политической и идеологической работы партийной организации Татарстана и пути его улучшения» фактически был наложен запрет на пропаганду эпоса «Едигей». Постановлением ЦК КП (б) Казахстана «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР» [6] послужило дальнейшим основанием для отчуждения от исторического наследия прошлого. Мало кто из ученых пытался доказать несостоятельность партийных постановлений, которые были далеки от подлинного научного изучения эпоса. Даже на сегодняшний день сложно утверждать, что многие проблемы эпосоведения разрешены, что этнический характер тюркских эпических сказаний, в отличие от славянского, изучен на должном научном уровне. Многие фольклористы, застывшие на уровне типологической теории прошлого столетия, по сей день с осторожностью относятся к научной обработке этнических сведений

в героическом эпосе. Между тем в области художественно-эстетической природы – поэтики, социально-информационной сферы – историзма, этнографических истоков – этнического характера героического эпоса очень много накопившихся проблем. Именно поэтому ученые обращаются этой проблеме вновь и вновь.

В трудах казахских фольклористов Р. Бердибаева, С. Каскабасова, О. Нурмагамбетовой, Н. Турекулова, Е. Турсынова затрагивались различные аспекты историзма эпоса. В научных изысканиях автора этой статьи интерес к герменевтическому изучению эпического наследия объясняется не только совершенствованием методологии исследования, но и стремлением к использованию эпических сказаний в качестве косвенного источника для изучения этнической истории казахского народа [7]. В героических сказаниях мы находим не только художественно-поэтические закономерности, но и отголоски историко-этнических процессов. Это говорит о том, что мы должны относиться героическому эпосу в качестве народной памяти, истории, рассказанной самим народом. Ономастическая номенклатура – Коркут, Казан, Баяндур, Караман, Кобланды, Куртка, Алпамыс и т. д. – влеченная в содержание многих эпических сказаний, проливает свет в этническую историю кочевых тюркоязычных племен [8, с. 55].

В период возрождения национального самосознания, совершенствования научно-познавательного процесса казахская фольклористика загружается новыми проблемами. Настало время для изучения сведений этнического порядка в героическом эпосе в качестве этнического источника.

Методологические проблемы

Изучением казахского фольклора ученые занимались в конце XIX в., тогда как расцвет науки приходится на вторую половину XX в. Фольклористику этого периода можно разделить на три этапа: 1920-1930-е, 1940-1950-е и 1960-1990-е гг. Если в ранних научных изысканиях рассматривались в основном сюжетно-жанровые особенности, то позднее ученые стали уделять должное внимание текстологии, стадиальности и историзму героического эпоса. Все эти начинания способствовали более глубокому изучению историко-хронологической системы казахского эпоса. На этой почве утвердилась классификация эпических сказаний в следующей стадиальной последовательности: архаический эпос, героический эпос, романический эпос и исторический эпос.

Заметим, что классификация эпических сказаний, как писал еще В. Я. Пропп, изучается в зависимости от того, какая действительность в нем отражена и как соотносится с исторической действительностью. Поэтому жанровая классификация имеет историко-стадиальный характер. Одностороннее изучение героического эпоса на основе историзма художественной системы к желаемым результатам не привело. Ибо изучение поэтики эпоса мало затрагивает проблемы историзма, не говоря уже об этническом характере. Следовательно, ни типологический, ни историко-сравнительный методы не способны пролить свет в историко-этническую природу казахского героического эпоса. Это, в свою очередь, еще раз подтверждает, что изучение поэтики эпоса вне историко-социального фона не может привести к желаемым познавательным результатам. Иначе говоря, исторический фон в эпосе – базис важнее художественно-поэтического обрастания – надстройки.

С ростом познавательной потребности настало время для разработки методологических проблем изучения этнического характера казахского героического эпоса, в т. ч. в качестве этнического источника. В коллективных монографиях «Фольклор и действительность» (1990) и «Историзм казахского фольклора» (1993), выпущенных Институтом литературы и искусства АН КазССР, казахские фольклористы еще в 1990-е гг. вплотную подошли к этой проблеме.

Справедливости ради надо сказать, что отдельные казахские просветители старшего поколения, оставившие мысли и суждения об историзме эпоса, освещали эту проблему в русле исторической школы. К сожалению, в послереволюционный период труды А. Букейханова, члена I Государственной Думы, не вошли в научный оборот: в 1937 г. он был репрессирован как «враг народа» и расстрелян в Бутырке, а его труды были изъяты из научного оборота. Они были переизданы только после приобретения независимости [9].

Если признаки исторического изучения героического эпоса наблюдаются в фольклористике 1940-х гг., то можно ли говорить, что результаты их научных изысканий являются недостовер-

ными, методологически ошибочными? Мы не можем отказаться от прошлого казахской фольклористики. Каждый исследователь, имевший дело с эпическим наследием, в той или иной форме опирался на достижения исторической школы. Одни ограничивались изучением художественной системы эпоса, другие стремились в глубь – к историческим истокам. Однако после критического выступления группы историков в центральной партийной газете «Правда» политическая ситуация в республике резко обострилась [10]. Многие фольклористы, отказавшись от методологии исторической школы, массово перешли на рельсы художественно-поэтического изучения эпоса. Из учебных программ высших учебных заведений были исключены почти все эпические сказания казахов, якобы созданные в эпоху феодализма. Вплоть до 1955 г. занятия в вузах проводились по утвержденному Министерством просвещения КазССР тексту стенограммы. В это сложное время видный фольклорист В. Я. Пропп выдвинул тезис о том, что «героический эпос идет не позади истории, а впереди и выражает вековые идеалы народа» [11, с. 24].

Этот требующий уточнения тезис способствовал возврату ранее снятых с научного обихода эпических сказаний многих народов СССР. В конце 1950-х гг. этой проблеме были посвящены Всесоюзные научные конференции, посвященные эпосам «Алпамыс», «Манас», «Коруглы» и т. д.

Все эти методологические поиски заслуживают внимания и составляют определенное звено в процессе изучения казахского героического эпоса. Однако не все они могут быть признаны доминирующими, когда речь идет об историзме эпоса. Во введении книги «Фольклор. Проблемы историзма» совершенно верно читаем причины, имевшие место в историческом изучении эпоса: «Вокруг этих проблем в фольклористике идет многолетняя дискуссия, однако новых результатов еще недостаточно. Известное топтание на месте объясняется, в частности, тем, что дискуссия зачастую замыкалась на одних и тех же материалах и подходах; не в полной мере учитывались многообразие фольклорного наследия и его поэтики, теоретический опыт науки» [12, с. 3].

Это действительно так. Основная причина заключалась в непригодности прежних методологических подходов к раскрытию исторических истоков героического эпоса. Тогда как историко-сравнительные изыскания в лучшем случае могли ответить на вопрос о стадильности героического эпоса и не более. Это касается научных исследований, которые опираются на историко-типологический метод в фольклористике. Настоящий метод позволил фольклористам шагнуть еще глубже и определить причины тождества на уровне мотива и сюжета. Однако историко-типологический метод освещал эту проблему лишь в определенных рамках. Причина здесь кроется не в изысканиях отдельных ученых, а в самом методологическом подходе.

Со временем казахская фольклористика стала обогащаться новыми методологическими подходами, позволяющими заглянуть в этническое прошлое народа. Изучая пройденный путь советской фольклористики несложно обнаружить, что вокруг этих проблем шли многочисленные дискуссии. Например, представители мифологической школы, рассматривавшие героический эпос вне времени и пространства, больше опирались на мифологическое сознание народа. Однако приверженцами исторической школы были достигнуты заметные сдвиги. Еще Л. Н. Майков и В. Ф. Миллер истоки отечественной истории искали в недрах русских былин. Основным недостатком этого направления являлась оценка былин как наследия феодальной эпохи. По этой причине в 40-е гг. XX столетия научные постулаты исторической школы были подвергнуты политизированной критике как устаревшая, несостоятельная методология. На этой почве практика изучения былин в связи с русской историей, отраженная в трудах Л. Н. Майкова, В. Ф. Миллера, А. П. Скафтымова и М. Н. Сперанского, ушла в забвение. Место исторической школы в фольклористике заняли научные изыскания В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова и др. Этой же плеяде советских ученых отчасти примыкает известный фольклорист В. М. Жирмунский.

Несмотря на доминирование поэтического направления и критики исторической школы в советский период отдельным ученым все же удавалось продолжить историческое изучение былин. Таким образом в эпосоведении советского периода сформировались два противоположных направления. Одно из них историзм эпоса вычленило из его художественно-поэтической системы (историческая поэтика), другое – искало в недрах реальной истории. Между тем ни один фольклорист не занимался поиском в героических сказаниях конкретных дат и чисел.

Обсуждение

В процессе освещения концепции этих методологических направлений определились основные цели и задачи, а также новшества настоящей работы. Мы уже отмечали, что советская фольклористика 1960-1970-х гг. отрицала историзм эпоса и была нацелена на изучение поэтики – художественной системы. Представители этого направления утверждали, что нет тождества между сюжетом эпоса и реальной историей. Они были уверены в том, что историзм эпоса подчиняется внутренним закономерностям эпического сказания, а реальная история живет сама по себе.

Видный русский ученый В. Я. Пропп, известный своими фундаментальными трудами, как «Морфология сказки» и «Исторические корни волшебной сказки», выражая свое несогласие с концепцией исторической школы, писал: «Это не значит, что эпос возникает вне времени и пространства. Но это значит, что вопрос о том, в каком году и в каком городе или в какой местности возникла та или иная былина, неправильно поставлен. Былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа» [11, с. 24].

Для того, чтобы правильно охарактеризовать данную научную позицию необходимо будет осветить содержание многих других научных изысканий. Так, в данном случае В. Я. Пропп игнорирует А. Н. Веселовского, утверждавшего, что «всякий эпос зарождается, несомненно, после того, как в истории является известное историческое движение. Все эпосы, за исключением карело-финского, имеют историческую подкладку» [13, с. 292-293]. Оставляет вне внимания суждения Н. И. Кравцова, что «эпос свидетельствует о широте исторического кругозора народа и о глубоком понимании им исторических событий, об умении связать прошлое с настоящим. В эпосе проявляется историческое самосознание народа» [14, с. 106]. Увлекаясь поэтикой эпоса В. Я. Пропп пишет, что «мнение некоторых ученых, утверждавших, что эпос возникает первоначально как историческая песня, с веками забывается и искажается, постепенно превращаясь в былинку, должно быть совершенно оставлено» [15, с. 24]. На этой основе на первый план изучения выдвигает идею произведения: «Идея есть решающий критерий для определения отношения песни к той или иной эпохе» [11, с. 24].

Надо отметить, что В. Я. Пропп, пусть даже в косвенной форме, но все же пользуется понятием «историзм» в фольклористике. Об этом свидетельствуют главы его исследования: «Эпос в период разложения первобытнообщинного строя», «Русский эпос эпохи развития феодальных отношений», «Русский народ в борьбе с татаро-монгольским нашествием», «Эпос эпохи образования централизованного русского государства», «Судьба эпоса при капитализме», «Современное состояние эпоса». Если заглянуть глубже, то это не историзм былин в его подлинном смысле, а схема, опирающаяся на классические исторические формации. Несмотря на наличие элементов историзма, связь былин с реальной историей автором не признается. Надо полагать потому, поскольку не была разработана методология изучения историко-этнических сведений, отраженных в эпических сказаниях.

Суждения ученого относительно историзма эпоса можно усмотреть в его поздних трудах. Иногда автор как бы признает историзм былин, но несколько иначе понимает эту проблему: «Задача исторического изучения состоит в том, чтобы показать, во-первых, что в новых исторических условиях происходит со старым фольклором, и, во-вторых, изучить явление новых образований» [16, с. 28]. И опять же склоняется к старой позиции о необходимости изучения жанровых особенностей, ибо каждый фольклорный жанр по-своему отражает историческую действительность. Именно здесь В. Я. Пропп усматривает промахи представителей исторической школы, и утверждает, что отражение исторической действительности в былинах подчинено его поэтическим закономерностям, без учета которых невозможно решить проблему историзма фольклора [16, с. 94].

В методологическом аспекте В. Я. Пропп опирается на историко-сравнительный метод исследования. Иначе говоря, В. Я. Пропп уделяет больше внимания художественно-эстетическим свойствам эпоса, а не историко-познавательному содержанию былин. «Для нас историчны не только имена и факты, историчен сам художественный вымысел как таковой» [16, с. 98], – утверждает автор.

Другим ярким представителем этого направления в советской фольклористике был Б. Н. Путилов. Перечисляя основные недостатки исторической школы, он пишет: «Одной из ошибок исторической школы в изучении эпоса заключается в частности, в том, что представители ее не видели никакой разницы между былиной и историческими преданиями (и даже летописью) в их отношении к истории, в самом типе их структуры. Они были убеждены, что одни и те же события с теми же подробностями и реалиями, одни и те же лица получили отражение как в летописном предании, так и в эпической песне; разница лишь в степени сохранения реальных данных и в масштабе их искажения» [17, с. 226]. Придерживаясь позиции В. Я. Проппа, ученый утверждает, что для изучения историзма необходимо считаться с жанровой природой былин. Позицию фольклориста определяют следующие строки: «Типология эпического историзма есть одновременно типология эпических жанров, типология развития эпического творчества. Историзм не может быть вычленен из художественной системы, он является одним из органических ее качеств» [17, с. 226].

В результате Б. Н. Путилов приходит к заключению, что для изучения историзма былин необходимо знать закономерности поэтики. На этой почве предлагает изучить историзм эпоса вне отраженных в его содержании исторических сведений. Однако происхождение этих самых исторических сведений автор обходит молчанием. Потому что они не были еще изучены исторической наукой, не была разработана соответствующая методология, которая позволила бы использовать отдельные сведения, отраженные в героическом эпосе, в качестве историко-этнического источника.

При изучении классических образцов казахского героического эпоса с подобной позицией, сводящей весь смысл эпических сказаний к его художественной системе, сложно согласиться. С такой позицией не могла смириться целая плеяда замечательных фольклористов – С. Н. Азбелев, М. М. Плисецкий, Л. И. Емельянов и др. Следовательно, историзм нельзя рассматривать вне социальной среды, исторической эпохи и этнического процесса, отраженного в содержании былин.

Историзм былин – это не фантазия, выдуманная народом, а исторические факты, сохраненные в его памяти и передающиеся от поколения к поколению в виде эпических сказов, с каждым разом приобретающих художественный окрас. Мимолетность концепции Б. Н. Путилова особо проявляется при использовании его методологии по отношению к эпическому наследию народов Центральной Азии – казахов, киргизов, туркменов, узбеков и каракалпаков. Здесь уместно вспомнить слова известного каракалпакского фольклориста И. Т. Сагитова о том, что «культурное наследие каждого народа необходимо изучать в тесной связи с его историей. Изучение эпических произведений возможно только при знании истории политико-экономических и общественных условий жизни народа» [18, с. 30]. Если Б. Н. Путилов считает, что историзм былин нельзя вычленивать из его художественной системы, то казахский ученый А. Кобынбаев утверждает, что «героический эпос в некоторой степени напоминает летопись, его нельзя исследовать вне истории племен и племенных объединений» [19, с. 133]. Изучая кыргызские народные поэмы, Г. Ж. Орозова также утверждает, что «все кыргызские народные поэмы создавались на основе реальных исторических событий, пережитых народом» [20, с. 120].

Однако некоторые вопросы фольклористики Г. Ж. Орозова освещает весьма традиционно, иногда даже переоценивая роль сказителя [20, с. 122]. Так, на сегодняшний день мнению, будто каждый сказитель в содержание эпического произведения вносит сведения от себя нуждается в уточнении. Об этом фольклористы писали на рубеже 70-80-х гг. прошлого столетия. Еще С. Ю. Неклюдов отмечал, что в богатырской сказке текст, имеющий самостоятельное значение, существует независимо от сказителя [4, с. 76]. Этой проблемой занимались и казахские ученые, в т. ч. автор настоящих строк.

Сказитель-импровизатор, повествовательная деятельность которого строго контролируется слушателями, включая эпическую традицию, при каждом исполнении эпоса может художественно обобщать, вносить новые сравнения и эпитеты. Однако нормами эпической традиции ему «запрещено» вносить изменения этнического порядка. Например, исполнители двух вариантов и многочисленных версий эпоса «Кобыланды» являются представителями различных

казахских родов. Однако во всех образцах эпоса Кобыланды – выходец из кыпчакского племени. Никто из многочисленных сказителей не вправе менять его этническую принадлежность. Мало того, исследования казахского героического эпоса показали, что во всех 29 вариантах и версиях «Кобыландь», записанных в различных регионах Казахстана, одна и та же ономастика. Особенно устойчивы этнонимы и топонимы.

С учетом вышеизложенного можно заключить, что новизна научных изысканий Б. Н. Путилова заключается в его противоположной позиции по отношению к историческому направлению в фольклористике. Его научные разработки относительно эпического пространства и времени, эпического героя и бытия, изложенные в книге «Героический эпос и действительность», по большому счету также примыкают к исторической поэтике. В разряд подобных исследований можно отнести работу А. А. Петросяна. Анализируя этапы становления эпосоведения, автор примыкает к историко-сравнительному методу, т. е. поэтическому направлению. Суждения А. Н. Бернштама об историчности эпоса автор считает поверхностными [21, с. 16]. Таким образом, почву для догматической критики 1940-1950-х гг., получившей место и в советской фольклористике, А. А. Петросян ищет в недрах исторической школы. Поэтому его научные изыскания недалеко от методологических установок того периода.

Иногда А. А. Петросян как бы признает историзм фольклора. Но понимает его в рамках тезиса «у каждого эпоса свое отношение с историей народа» [21, с. 19]. И тут же возвращаясь к прежней позиции, добавляет: «У каждого народа своя историчность. Однако в тех случаях, когда в эпических произведениях различимы приметы исторических лиц и их конкретных деяний, составивших основу сюжета, мы не забываем, что эпос – это не летопись истории» [21, с. 31]. Автор избегает контактного понимания проблемы историзма былин. А происхождение исторических сведений сводит к «смешению эпоса с такими жанрами фольклора, как исторические предания, исторические песни и исторические хроники» [21, с. 23].

Современная историческая наука при изучении истории какого-либо народа отнюдь не ограничивается лишь письменными источниками. Развитие методологии науки привело к расширению перечня первоисточников. Ибо основные исторические источники иногда могут не содержать наиболее важные сведения, относящиеся к истории народа. Когда исчерпываются первоисточники, признанные советской исторической наукой, на помощь приходят косвенные источники – эпические сказания. В этом и заключается чреватость односторонне художественного изучения эпоса.

Эпос как один из историко-этнических источников может подвергаться обработке с различных сторон. Если изучение поэтики эпоса – задача литературоведческой, то выявление воспитательного значения – прерогатива педагогической науки. При таком подходе остается в тени центральная проблема эпосоведения – отношение героического эпоса к историческому прошлому народа; отражение в его содержании отдаленных историко-этнических сведений, иногда сложно поддающихся научной обработке. Основная проблема должна заключаться в определении социально-исторических, этническо-информационных сведений в эпосе. Если многовековой путь какого-либо народа ограничить только теми сведениями, которые нашли отражение в дошедших до нас письменных источниках, то мы невольно ограничим научно-познавательный процесс. В этом и заключается суть определения историко-этнической сущности героического эпоса как научной проблемы.

Мы должны помнить и следующее. В условиях XIX в., когда зародилась историческая школа, европейская культура находилась на высоком уровне. Разве можно использовать суждения, высказанные с высокой европейской трибуны, по отношению к фольклору казахского народа, все еще бытовавшего в условиях кочевого образа жизни и патриархального строя с его степной музыкально-эпической традицией? Здесь необходимо понимание того, что с развитием общества и общественных отношений культура обновляется, художественная система совершенствуется, а историзм былин притупляется. Это доказано стадийным методом исследования в фольклористике.

Мы не беремся утверждать, что научные постулаты исторической школы были безошибочными, поскольку именно они выдавали героический эпос за феодальное наследие. Теория об аристократическом происхождении эпоса сыграла отрицательную роль для фольклористики

советского периода. И тем не менее было бы неверно полностью отрицать достижения этого научного направления. Нельзя забывать, что в трудах А. П. Скафтымова [22], Ю. М. Соколова [23], М. К. Азадовского [24], А. И. Никифорова [25] и А. М. Астаховой [26] основные концепции исторической школы были оценены положительно. Их изыскания нельзя оценивать как подражание историческому направлению, поскольку сумели подняться на более высокую ступень исторического изучения фольклора. Помимо всего они доказали, что эпические сказители – носители народной исторической памяти. Вместе с тем они широко пользовались стадийным и типологическим методами исследования. С учетом этих качественных изменений Б. А. Рыбаков назвал это направление «советской исторической школой».

Конечно, не все ученые одобряли концепции исторической школы. Например, исследователи, изучавшие былины в жанровом аспекте, не отрицали, что в них нашли отражение события различных исторических эпох [27]. Они считали, что в былинах встречаются схожие события, исторические личности различных периодов. Интересно заметить, что фольклористы, подвергавшие критике концепции исторической школы, полностью не отрицали достижения этого направления. Так, анализируя работу А. П. Скафтымова, известный фольклорист Б. М. Соколов писал: «Вообще, кончая третью главу, Скафтымов вновь восстанавливает историческую школу» [28, с. 306].

Можно перечислить целую плеяду фольклористов, которые, развивая концепции исторической школы, поднялись на высшую ступень исторического изучения фольклора. Среди них фигурируют имена и труды Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. М. Плисецкого, Н. И. Кравцова, Л. И. Емельянова и др. Это ново-историческое направление сформировалось на горизонте 50-х гг. XX столетия. Тогда Б. Д. Греков утверждал, что «былина – это история, рассказанная самим народом» [29, с. 7]. Однако его идея осталась в тени известной работы В. Я. Проппа, определившей дальнейший путь существования героического эпоса народов Советского Союза. Спустя несколько лет тезис Б. Д. Грекова был возобновлен видным историком Б. А. Рыбаковым, который, решительно утверждая исторический характер русских былин, писал: «Первой формой исторического повествования у каждого народа являются эпические сказания, рассказывающие о героях – объединителей племен, о постройке первых городов, о героических битвах с чужеземцами. Овеянные романтикой и сказочностью, сложенные особым гиперболическим стилем, эти сказания нередко вызывают недоверие позднейших историков. Но первые опыты письменной истории обычно начинаются с записи древних эпических сказаний, к которым средневековый хронист присоединяет факты современной ему жизни» [30, с. 9]. Подобное суждение не отрицает и В. Я. Пропп, который больше опирается на поэтику эпоса.

Б. А. Рыбаков считает, что при изучении исторической природы эпоса необходимо уделять должное внимание времени появления каждого фольклорного жанра, этапам его развития. На этой почве эпические сказания делит на следующие периоды:

1. Архаические сказания, овеянные мифологическим представлением народа, в которых в деяниях этнических групп много гиперболического. Этот период у Б. А. Рыбакова охватывает с I в. до н. э. до I в. н. э.
2. Племенной эпос, сформировавшийся в условиях военной демократии, т. е. в период с IV по VII вв. Автор отмечает, что образцы подобных эпических сказаний зарождались и позднее.
3. Древние (IX в.) и более поздние (XIII в.) образцы былин.
4. Былины XIII-XIV вв. В это время они были подменены историческими песнями [30, с. 12].

Этими суждениями Б. А. Рыбаков фактически возродил концепцию исторической школы. Представителей исторического направления автор делит на две группы:

- 1) направление А. Н. Веселовского, изучавшее эпические сказания на уровне Запада и Востока;
- 2) историческое направление во главе с Л. Н. Майковым и В. Миллером, а также М. Н. Сперанским и Ю. М. Соколовым.

Необходимо подчеркнуть, что Б. А. Рыбаков не просто повторяет концепцию исторической школы, он критически воспринимает каждый их тезис, отбрасывая устаревшее и развивая только прогрессивное начало. Позицию ученого определяют следующие его слова: «Истори-

ческая школа не дала настоящего исторического анализа былинного эпоса» [30, с. 41]. Анализируя суждения В. Я. Проппа, автор правильно раскрывает некоторые недостатки: «... общего представления о той исторической эпохе, которая породила былины и воспеты в них, в работе В. Я. Проппа не дано, как и не даны и основные причины создания былин и отбора для передачи потомству именно тех сюжетов, которые дошли до нас, потомков. В ряде своих положений В. Я. Пропп делает шаг назад даже по сравнению со старыми исследователями вроде М. Н. Сперанского или А. И. Лященко. Основной тезис В. Я. Проппа таков: «Былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа» [30, с. 42]. На этой основе считает, что работа В. Я. Проппа находится в антагонизме с исследованиями историков и историков литературы. Далее заключает, что «В. Я. Пропп выступает против историзма вообще: народность же былин он не доказывает, а лишь декларирует. Опасность взглядов В. Я. Проппа состоит в том, что они нашли последователей» [30, с. 43].

Эти выводы Б. А. Рыбакова были сделаны на основе анализа методологических предпосылок В. Я. Проппа, отрицавшего исторический метод исследования, в результате впавшего в русло вульгарной социологии и нигилизма. Историк считает, что сюжеты былин должны быть изучены на основе исторической хронологии. К сожалению, эти слова Б. А. Рыбакова были услышаны не всеми исследователями. Между тем, в фольклористике союзных республик набирала обороты позиция В. Я. Проппа.

Среди исследователей, затронувших проблемы народности и историзма русских былин, фигурирует имя М. М. Плисецкого. Критикуя позицию представителей поэтического направления, автор пишет: «Итак, мы имели здесь дело со своеобразной теорией, формально признающей историчность былин, но в то же время отрицающей ее; былины историчны, поскольку в самой общей форме отражают условия жизни и быта раннефеодального периода, и в то же время они не историчны, поскольку ни в коем случае не могут отражать конкретных исторических событий и лиц этого времени» [31, с. 106].

Этими словами М. М. Плисецкий вскрывает противоречивую позицию В. Я. Проппа. Считает, что в эпосоведении не учитывались значение народной памяти, историзм географических наименований и имена отдельных героев. Автор не сбрасывает со счетов и художественную сферу – поэтику, и социальный аспект – историзм былин. Поэтому ему сложно инкриминировать те недостатки, о которых писал В. Я. Пропп, критикуя представителей исторической школы. В этом суть позиции М. М. Плисецкого.

Историзм былин рассматривается в трудах Н. И. Кравцова, который считает, что эпос – не произведение, прошедшее поэтическую обработку, а особый путь сохранения исторических фактов в сознании народа. В своей работе, посвященной сербскому эпосу, ученый вычленяет следующие исторические признаки:

- 1) в эпосе встречаются герои с историческими именами;
- 2) находят отражение известные исторические события;
- 3) описываются быт, культура и познавательные понятия, характерные для различных периодов истории сербов;
- 4) сохраняются следы исторической географии;
- 5) находят отражение интересные и ценные исторические события, которые не сохранились в других источниках [32, с. 145].

Эти умозаключения нельзя считать поверхностными. Они заслуживают пристального внимания. Н. И. Кравцов правильно отмечал, что «в сербском эпосе упоминаются сотни городов, сел, областей, чем он отличается от эпосов других народов» [33, с. 99]. Основная проблема заключается именно в историко-этническом характере эпических сказаний отдельных народностей. Это говорит о том, что научные заключения и методологические установки, осуществленные на основе изучения русских былин, нельзя применять по отношению к эпическому наследию других народов.

Проблемам взаимоотношения истории и эпоса должное внимание уделял и С. Н. Азбелев, считавший, что в эпосе находят отражение мировоззрение, думы и чаяния народа. Далее автор задается вопросом: что такое героический эпос? Плод фантазии народа или же художественная система исторической памяти о героизме того народа?

Это та самая проблема, которую не могут разрешить представители поэтического и исторического направления в фольклористике. С. Н. Азбелев посвятил свой труд именно этой неразрешенной проблеме. Суть своей позиции автор раскрывает, совершая экскурс в прошлое: «До середины 50-х годов наша фольклористика, при всем различии не только исследовательских приемов и интерпретаций, но и методологических позиций советских и дореволюционных ученых, была единодушно в позитивном отношении к центральному аспекту проблемы историзма. Вопрос этот не дискутировался, так как ответ представляется достаточно очевидным» [34, с. 1-2]. Более жесткую позицию занимает С. Н. Азбелев по отношению к критикам исторической школы. Соглашаясь с тезисом А. П. Скафтымова, что сюжет эпоса основывается на известном историческом событии, пишет: «Появившаяся три десятилетия спустя труд В. Я. Проппа, напротив, исходил из тезиса, что устный эпос, выражая вековые, эпохальные идеалы народа, вообще не отражает отдельных событий его истории. Соответственно, почти все результаты исследований историзма были за сто лет В. Я. Проппом отвергались (без конкретного разбора), а самое изучение народного эпоса “применительно к отдельным, частным событиям истории расценивалось как нецелесообразное”» [34, с. 7].

Автор излагает свое видение и по отношению к позиции Б. Н. Путилова: «Мнение, будто сюжеты героического эпоса всегда основываются на вымысле, а не фактах (причем народный эпос “создает своеобразную модель” истории, которая “в определенном смысле противостоит истории реальной”), стало излагаться Б. Н. Путиловым как требование современной методологии, а тезис, что народный героический эпос художественно обобщал воспоминания о реальных событиях истории народа, аттестоваться как не отвечающий нынешнему уровню эпосоведения и общего понимания специфики фольклорного творчества» [34, с. 7].

В трудах В. П. Аникина, Ю. И. Юдина, В. Г. Мирзоева, которые разделяли позицию В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, также присутствовала критика исторической школы. Главное отличие научных изысканий С. Н. Азбелева заключается в освещении термина «фольклор» не только как искусства слова, но и как народную память (искусство памяти). Автор ставит вопрос несколько иначе и подчеркивает, что «историзм эпоса в самом широком смысле давно не составляет проблемы. Она заключается теперь не в том, соотносится ли народный эпос с эпохами народной истории, а в том, как он соотносится с конкретными историческими событиями. При этом весьма существенным является вопрос, что именно принадлежит к событиям историческим» [34, с. 14-15].

Отвечая на этот вопрос, автор пишет, что «как раз те события, о каких повествует народный эпос, порой слабо освещены или совсем не упомянуты в летописях и хрониках... Степень историчности события не должна ставиться в зависимость от степени полноты сохранившихся письменных источников» [34, с. 15]. Если представители поэтического направления считали, что историзм былино невозможно вычленишь из его художественной системы, то С. Н. Азбелев предлагает не ставить историзм эпоса в зависимость от полноты или частичного сохранения исторических данных. Далее читаем следующие суждения автора: «Свойственные “классическим” формам народного эпоса идеализация, гиперболизация, условность, ситуативность, вообще “эпическое переосмысление реальности” отнюдь не есть органическое свойство некоего “эпического сознания”, начавшего будто бы уступать место реально-историческому сознанию где-то в середине второго тысячелетия» [35, с. 30-31].

С. Н. Азбелев говорит о сюжетной контаминации, допускает переход одного эпического сюжета в другой эпос. Историзм же эпоса рассматривает в тесной связи с фольклорным творчеством. Все это дает исследователю заключить, что героический эпос – разновидность народной памяти, сформировавшейся на основе определенных закономерностей. Научная позиция автора наиболее выпукло показана в следующих строках: «С большей или меньшей полнотой былины сохранили следы исторической конкретности: имена, реалии, измененные эпизоды или фрагменты их (помимо общего бытового фона эпохи) – в преломлении, диктуемой поэтической традицией» [34, с. 36].

Ученый считает возможным определить историзм эпического сказания, сформировавшегося на определенной ступени общественного развития. Однако их нельзя путать со сказаниями, возникшими на различных стадиях эпического творчества. Иначе говоря, автор не ставит

знак равенства между общественным развитием и эпическим творчеством, считая эти два начала лишь разновидностями систематизации эпических жанров. Он критикует установки поэтического направления о том, что эпос не повторение истории, что в основе эпического произведения лежит фантазия народа, считает невозможным привязку историзма эпоса к определенной эпохе. Утверждая тезис об отражении в эпосе различных исторических событий, С. Н. Азбелев заключает: «Трансформация устного отклика на конкретный факт в эпический мотив, трансформация в былинный сюжет “прагматического” описания реальных событий – закономерное явление для устного эпоса... Объяснение этой закономерности следует искать в специфике фольклора, отличие которого от других видов искусства состоит в фиксации произведений исключительно памятью» [35, с. 31]. Далее указывает, что представителями исторического направления в фольклористике создана правильная система исторического освоения былин: «Не приходится сомневаться, что в той или иной степени содержание почти каждой былины восходит к фактам русской истории. Имена исторических лиц, известные по письменным источникам, бытовые, географические и иные реалии помогают установить фактическую основу их» [35, с. 267].

Эти доводы показывают необходимость развития исторического направления далее. Игнорирование подобных суждений – есть игнорирование последних достижений фольклористики. Ибо поэтические, эстетические и этнографические закономерности эпоса формируются на протяжении многих веков. К тому же у каждого народа свои особенности развития эпического творчества.

Изучая классические образцы казахского героического эпоса, как «Кобыланды» и «Алпамыс», несложно понять, что на первый план выдвигается этнический характер, т. е. познавательное начало. Все этнонимы (кыпчак, кият, кызылбас, калмак и т. д.) имеют историко-этническую подкладку и тесно сплетаются со страницами реальной истории. Это не вымысел, а сказание о героических подвигах своих предков.

Определенное разрешение этой научной проблемы можно обнаружить в трудах Д. С. Лихачева, который рассматривает поэтику и историзм эпоса в неразрывной связи. Главное направление автора – изучение путей объединения поэтики эпоса с исторической основой [36; 37, с. 334-351].

Дальнейшее утверждение этой позиции связано с трудами Л. И. Емельянова. Несмотря на полемичность отдельных суждений его оппонентам не удалось опровергнуть концепции исторического направления. Они оказались на прежней, более низкой ступени эпосоведения, тогда как Л. И. Емельянов сумел подняться на более высокую ступень научного мышления. Если отдельные исследователи противопоставляют поэтическое направление В. Я. Проппа исторической концепции Б. А. Рыбакова, то Л. И. Емельянов находит общие умозаключения, характерные для них. Мало того, доказывает, что В. Я. Пропп вплотную подошел к проблеме историзма эпоса.

Краткий обзор научной литературы показал, что списывать достижения исторического направления в фольклористике преждевременно. Труды Б. Н. Рыбакова, М. М. Плисецкого, Е. М. Мелетинского, Д. С. Лихачева, Л. И. Емельянова доказывают, что вплоть до 80-х гг. XX столетия полемические выступления вокруг этого вопроса не прекращались. У истоков этого направления стоял Б. А. Рыбаков. Спустя год В. Я. Пропп, увлеченный критикой позиции Б. А. Рыбакова, как верно подметил Л. И. Емельянов, допускает обобщающие заключения, нуждающиеся в дополнительной аргументации. В частности, он выдвигал весьма упрощенную версию, будто факты, лежащие в основе русских былин, и подвергнутые изменениям исторические события не идентичны. Для Л. И. Емельянова это совершенно разные проблемы и явления. В своей статье «О границах метода и “единицах” историзма», признавая результаты историко-сравнительного метода исследования, затрагивает сложную проблему, которая долгие годы оставалась в тени. Это – отношение фольклорных произведений к реальным событиям и историческим фактам. Сам автор это объясняет отражением исторической формы в фольклоре, принципом отражения исторической действительности, «историческими фрагментами», измеряющими его проявления в различных жанрах фольклора [38, с. 24].

Совершая научный экскурс в историю фольклористики Л. И. Емельянов по-новому оценивает историческую школу, прилагает огромные усилия для возрождения его жизнеспособной

концепции. По мнению исследователя, природа историко-сравнительного метода такова, что она не способна отражать исторические «детали» в эпосе. Для исторического изучения былин особенно ценны следующие высказывания Л. И. Емельянова: «По мере приближения к более “обозримым” историческим периодам, по мере того, как все более настоятельной становится необходимость принимать во внимание данные именно национальной истории (а не только ее типологическую структуру), постепенно образуется и расширяется в сфере определенных культурных феноменов, которых сравнительно-исторический метод уже не в состоянии объяснить, да, собственно, и не должен этого делать. В таких условиях сравнительно-исторический метод оказывается историческим и в самом деле лишь сравнительно; “единица историзма” ... остается, как и прежде, сравнительно крупной. Вполне удовлетворительно характеризуя “синтаксис” историко-фольклорного процесса, она не содержит достаточных возможностей для характеристики его “лексики”» [39, с. 24-25].

Напоминая суждения В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова о невозможности сравнения былины с реальной историей, заключает, что «эта та самая единица, которая издавна привык оперировать сравнительно-исторический метод, и которая, не позволяя в должной мере приблизиться к конкретно национальным чертам историко-фольклорного процесса, приводила некогда в отчаяние самого А. Н. Веселовского. И все же конкретно историческая основа былин требует объяснения, игнорировать ее и дальше становится просто невозможно» [39, с. 25-26].

На основе вышеизложенного Л. И. Емельянов отказывается ставить знак равенства между терминами «фольклор» и «народное творчество». Автор склонен считать, что первый применяется только в оценочном аспекте. Тогда как природа фольклорных произведений должна охватывать две основные функции фольклора – социальный и эстетический. В этой связи ученый предлагает осветить эту проблему в двух направлениях: в одном случае должно учитываться обилие исторических сведений, в другом – многочисленные формы отражения исторической действительности.

Все это необходимо воспринимать как результат огромных научных изысканий. Основные научные постулаты Л. И. Емельянова, поднявшие проблему историзма на новую, более качественную ступень, можно использовать при изучении историко-этнического характера казахского героического эпоса. Ведь историко-сравнительный метод прошел такие же этапы развития. К тому же Л. И. Емельянов не ограничивается лишь историческим направлением, рекомендуя применять его в тесной связи с историко-сравнительной методологией. Такой подход нуждается не только в поддержке, его рекомендуем использовать при изучении этнического характера эпоса тюркоязычных народов.

Нестандартные умозаключения относительно историзма эпоса мы находим и у Е. М. Мелетинского, который считает, что путем изучения наследия первобытного общества можно внести коррективы в формирование и развитие словесного искусства. Эти суждения автор пытался обосновать на материале героического эпоса карело-финского, грузинского, армянского, осетинского и тюрко-монгольского народов. По определению исследователя в основе эпических сюжетов лежат родоплеменные распри, легенды об исторических событиях и исторических личностях [40, с. 2]. При определении генезиса героического эпоса Е. М. Мелетинский опирается на исследования зарубежных ученых. Так, К. и М. Чэдвик признавали историческую основу эпических сказаний, все остальные сведения относили к поэтической системе, которая не противоречит его историзму [41, с. 76]. При определении отношения эпоса к истории и мифологии этот тезис поддерживает и К. Баура. Если Чэдвики были на стороне хронологической точности эпоса, то Баура считал, что герои эпических сказаний имеют исторический прототип [41, с. 7]. Эти два направления Г. Р. Леви связывал с исторической школой. Совершая широкий научный экскурс в данную, все еще неразрешенную научную проблему, Е. М. Мелетинский приходит к следующему заключению: «Единственным вопросом является подлинно исторический метод к произведениям эпического народного творчества. Этот метод предполагает установление исторических условий, вызвавших к жизни героический эпос и определивших его развитие. Разумеется, исторический метод не сводится к поискам исторических реалий, но он и не исключает такие поиски» [41, с. 13]. Генезис героического эпоса ученый ищет в образах раннего фольклора. Он считает, что в основе героического эпоса лежит народный эпос

доколониального периода. Однако жанровые определения автора, как «первобытная сказка», «богатырская сказка», «волшебнo-героическая сказка», «героический эпос» [41, с. 77] ограничиваются лишь стадийным восприятием эпического творчества.

Заключение

На сегодняшний день многие методологические суждения, сформулированные под натиском советской идеологии, наверняка устарели и требуют научного переосмысления. Если современная фольклористика будет повторять прежние концепции в новых условиях, то это будет проявлением консерватизма в науке. Необходимо шире развивать изучение познавательной сущности героического эпоса. Изучение поэтики эпоса – односторонне литературоведческий подход, рассматривающий эпос вне общественного сознания, народной памяти, этнографического уклада жизни, этносоциологического процесса. Для фольклористики как исторической дисциплины они не представляют новизны. Это касается и тезиса об общности идей в героической сказке и героическом эпосе. Их жанровые особенности необходимо понимать по следам В. Я. Проппа не путем раскрытия идеи, которая является «первым условием исторического изучения былин», а через специфику жанра, в зависимости от того, «какая действительность в нем отражена».

В героических сказаниях тюркоязычных народов доминирует историко-этническое начало. Однако в русских былинах следы этнического процесса менее заметны. Видимо поэтому никто из вышеупомянутых исследователей русских былин не коснулся этой проблемы. Между тем надо сказать, что своим изречением «эпос создается задолго до образования государственности» [16, с. 122] В. Я. Пропп несколько приблизился к этой проблеме. Углубляя свое видение проблемы, он утверждал: «Есть и другие жанры, в которых изображение исторической действительности составляет основную цель произведения. Они могут быть изучены с точки зрения более узкого понимания истории и историзма» [16, с. 113]. Однако об этническом характере русских былин нет ни единого слова. В. Я. Пропп делит русские былины на стадийно-географической основе: «древнейшие былинные образы», «главные герои русского эпоса», «богатыри героического цикла», «богатыри Киевского цикла», «богатыри Новгородского цикла» и т. д.

Таким образом можно заключить, что главное отличие русских былин от казахского героического эпоса заключается в отсутствии ономастики этнического характера. По определению исторической науки, славяне, населявшие земли древней Руси, разделяются на три группы: восточная часть – русские, украинцы, белорусы; западная часть – поляки, чехи, словаки, кашуба, луженаны; южная часть – болгары, сербы, хорваты, словены, македонцы, черногорцы, боснийцы. Если в VIII-IX вв. восточные славяне делились как словене, кривичи, дреговичи, вятчане, родимичи, венеды, уличи, северяне, древяне, поляне, бужане, волыняне, дулебы, тиварцы, то ни одно из этих этнических наименований не отражено в русских былинах. Вместо них используются такие катойконимы, как муромец, черниговский, микитанец, киевской, суздалец, новгородский, псковитян, володимирец. Это касается не только наиболее популярных былин, как «Святогор», «Илья Муромец», «Добрыня Никитич», но и «Слова о полку Игореве». Даже письменный памятник далее общих определений, как «Владими́ро-Сузда́льский», «Олегово храброе гнездо», «Князья и дружины», не идет.

В героическом эпосе казахского народа часто встречаются этнонимы, тесно связанные с родоплеменной структурой. Даже по ним можно проследить стадийный характер эпоса. В этом отношении можно согласиться с утверждением С. В. Козловского, что на данном этапе эпосоведения «историческая информация былинного эпоса может быть (дополнительным), но не самостоятельным, а лишь вспомогательным историческим источником» [42, с. 187].

Следовательно, можно отметить главное отличие эпического наследия вышеуказанных народов: в русских былинах самоназвание народа отражается в виде катойконимов, в героическом эпосе казахского народа в виде этнонимов. Несмотря на исторический фон в русских былинах, отсутствует этническая номенклатура – наименования отдельных племен и этносов, тогда как казахский эпос отличается обилием этнонимов, эпонимов и этнотопонимов. Вот почему между казахским героическим эпосом и русскими былинами нельзя ставить знак равенства, использовать одни методологические установки по отношению к другой эпической традиции. Использование научных результатов, вычлененных в процессе изучения одной (славянской)

культуры по отношению к другой (исламской) – к существенным достижениям не приведет. Именно поэтому трудно согласиться с утверждением В. Я. Проппа, будто «былины отражают действительность в пределах эпических законов». Историческую действительность необходимо искать не только в художественной системе эпоса, не только в рамках исторической поэтики А. Н. Веселовского, но и в русле научных изысканий Б. А. Рыбакова, Ю. В. Бромляя и Л. Н. Гумилева, которые пристально изучали элементы этнического сознания и собственно этнический процесс, отраженный в героическом эпосе. Это направление особенно приемлемо для изучения этнического характера казахского эпоса.

Мы еще раз убеждаемся в том, что различные методологические предпосылки, выработанные в процессе развития эпосоведения, не всегда применимы по отношению к эпическому наследию другого народа. Если так, то на сегодняшний день тезис В. Я. Проппа о выражении в былинах вековых идеалов народа, устарел. Необходимо также отметить разнозначность таких терминов, как «историзм художественной системы», «историзм героического эпоса», «этнографические истоки эпоса». Эти неравнозначные понятия сложно воспринимать в рамках стадийного понимания вопроса. На методологическом уровне они представляют собой совершенно разные аспекты изучения эпоса. Первую из них нужно воспринимать в рамках исторической поэтики, вторую как историзм фольклора, а третью – этнологическим процессом, отраженным в эпосе. Для казахского героического эпоса, содержащего немало сведений этнического порядка, весьма характерно последнее направление.

Каждый образец казахского героического эпоса характеризуется воспеванием героических деяний героя – выходца из одного племени. Например, Кобыланды является выходцем из племени кипчак, Алпамыс – конырат, Ер Таргын – ногай, Камбар – керей и т. д. Примечательно то, что этническая принадлежность батыров ни в одной версии вышеуказанных сказаний не меняется. Поэтому мы говорим, что героический эпос представляет собой дополнительный источник для изучения этнической истории народа, ибо «для тюрков типичны этнонимы по названию родственных отношений... по собственному имени вождя или орды, цветовые символические обозначения по странам света» [43, с. 229].

В советский период, когда в фольклористике доминировало художественно-поэтическое направление, изучение этнического характера казахского эпоса было невозможно. В основном научные изыскания осуществлялись в русле историзма героического эпоса, который, как мы убедились, фольклористами трактовался по-разному.

Остается добавить, что изучение этнического характера героического эпоса – одна из проблем современного эпосоведения. В этом суть заключения Л. Н. Гумилева о том, что «этническое становление лежит глубже чем явление исторического порядка» [44, с. 48].

Литература

1. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – 309 с.
2. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. – Ленинград : Наука, 1988. – 224 с.
3. Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. – Новосибирск : Наука, 1980. – 272 с.
4. Неклюдов С. Ю. Закономерности стадийной эволюции эпоса Центральной Азии и Южной Сибири // MONGOLICA. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. – Москва : Наука, 1986. – С. 65-79.
5. Боровков А. К. Вопросы изучения тюркоязычного эпоса народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы изучения эпоса народов СССР. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 66-80.
6. О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук КазССР // Казахстанская правда. – 1947, 1 февраля. – № 234. – С. 1.
7. Kongyratbay T., Kongyratbay K. Hermeneutical aspects of Kazakh heroic epic study // Middle East Journal of Scientific Research (MEJSR). – 2013, № 18 (9). – pp. 1330-1334. (На англ. яз.).
8. Kongyratbay T. A. Study of the Heritage of Korkyt in the Turkic World // Asian Social Science. – 2015/9/1. Vol. 11 (21). – pp. 55-61. (На англ. яз.).
9. Бокейханов А. Сочинения. – Алматы : Казахстан, 1994. – 384 с.
10. Шоинбаев Т., Айдаров Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. – 1950, 26 декабря. – С. 2.

11. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. – 552 с.
12. Фольклор. Проблемы историзма / Отв. ред. В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1988. – 296 с.
13. Веселовский А. Н. Из лекции. Собрание сочинений. Т. 1. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 386 с.
14. Кравцов Н. И. Сербский эпос и история // Советская этнография. – 1948, № 3. – С. 90-107.
15. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. – Москва : Госиздат художественной литературы, 1958. – 604 с.
16. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избр. статьи. – Москва : Наука, 1976. – 325 с.
17. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – Ленинград : Наука, 1976. – 244 с.
18. Сагитов И. Т. Каракалпакский героический эпос. – Ташкент : ФАН, 1962. – 107 с.
19. Кобыратбаев А. Казахский эпос и тюркология. – Алма-Ата : Наука, 1987. – 386 с.
20. Орозова Г. Ж. Историзм в кыргызских народных поэмах и типология принципов историзма // Приволжский научный вестник. – 2016, № 5. – С. 117-128.
21. Петросян А. А. История народа и его эпос. – Москва : Наука, 1962. – 216 с.
22. Скафтымов А. Н. Поэтика и генезис былин. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1994. – 320 с.
23. Соколов Ю. М. Русский былинный эпос : проблемы социального генезиса // Литературный критик. – 1937, № 9. – С. 186-188.
24. Азадовский М. К. Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор. Вып. 6. – Москва : Госучпедиздат, 1939. – С. 3-53.
25. Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода // История русской литературы. Т. 1. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. – С. 237-256.
26. Астахова А. М. Былинное творчество северных крестьян // Былины Севера. Т. 1. – Москва : АН СССР, 1938. – С. 7-105.
27. Чичеров В. И. Об этапах развития русского исторического эпоса // Историко-литературный сборник. – Москва : Изд-во АН СССР, 1947. – С. 3-59.
28. Фольклор. Поэтическая система / Отв. ред. В. М. Гацак. – Москва : Наука, 1977. – 343 с.
29. Греков Б. Д. Киевская Русь. – Москва : Наука, 1953. – 568 с.
30. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летопись. – Москва : Наука, 1963. – 361 с.
31. Плисецкий М. М. Историзм русских былин. – Москва : Высшая школа, 1962. – 240 с.
32. Кравцов Н. И. Проблемы славянского фольклора. – Москва : Наука, 1972. – 360 с.
33. Кравцов Н. И. Сербский эпос. – Москва : Госполитиздат, 1960. – 360 с.
34. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора : автореф. ... к. филол. н. – Киев, 1984. – 44 с.
35. Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. – Москва : Наука, 1982. – 327 с.
36. Лихачев Д. С. «Эпическое время» русских былин. – Москва : Наука, 1952. – 152 с.
37. Лихачев Д. С. «Эпическое время» былин // Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия по фольклористике. – Москва : Высшая школа, 1986. – С. 334-351.
38. Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики : автореф. ... д. филол. н. – Ленинград, 1979. – 36 с.
39. Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. – Ленинград : Наука, 1978. – 206 с.
40. Мелетинский Е. М. Первобытное наследие и архаический эпос. – Москва : Наука, 1964. – 12 с.
41. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1963. – 462 с.
42. Козловский С. В. Илья Муромец и его время : историография и перспективы изучения образа былинного героя // Древняя Русь : во времени, в личностях, в идеях. – 2016, вып. 5. – С. 177-189.
43. Агеева Р. А. Страны и народы : происхождение названий. – Москва : Наука, 1990. – 229 с.
44. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. – Москва : Экспрос, 1993. – 544 с.

References

1. Belinskii V. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Saint Petersburg, Tip. M. M. Stasulevicha, 1901, 309 p. (In Russ.).

2. Putilov B. N. *Geroicheskiy epos i deistvitel'nost'* [Heroic epic and reality]. Leningrad, Nauka, 1988, 224 p. (In Russ.).
3. Chagdurlov U. S. *Proiskhozhdenie Geseriady* [Geseriada's origin]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 272 p. (In Russ.).
4. Neklyudov S. Yu. *Zakonomernosti stadial'noi evolyutsii eposa Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri* [Regularities of the stadial evolution of the epic of Central Asia and South Siberia]. In: MONGOLICA. Moscow, Nauka, 1986, pp. 65-79. (In Russ.).
5. Borovkov A. K. *Voprosy izucheniya tyurkoyazychnogo eposa narodov Srednei Azii i Kazakhstana* [Questions of studying the Turkic-speaking epic of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. In: *Voprosy izucheniya eposa narodov SSSR* [Questions of studying the epic of the peoples of the USSR]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, pp. 66-80. (In Russ.).
6. *O grubyykh politicheskikh oshibkakh v rabote Instituta yazyka i literatury Akademii nauk KazSSR* [On gross political errors in the work of the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. In: *Kazakhstanskaya pravda* [Truth of Kazakhstan]. February 1, 1947, No. 234, p. 1. (In Russ.).
7. Kongyratbay T., Kongyratbay K. Hermeneutical aspects of Kazakh heroic epic study. In: Middle East Journal of Scientific Research (MEJSR). 2013, No. 18 (9), pp. 1330-1334.
8. Kongyratbay T. A. Study of the Heritage of Korkyt in the Turkic World. In: Asian Social Science. 2015/9/1, vol. 11 (21), pp. 55- 61.
9. Bokeikhanov A. *Sochineniya* [Works]. Almaty, Kazakhstan, 1994, 384 p. (In Russ.).
10. Shoinbaev T., Aidarov Kh., Yakunin A. *Za marksistko-leninskoe osveshchenie voprosov istorii Kazakhstana* [For Marxist-Leninist coverage of the history of Kazakhstan]. In: *Pravda* [Truth]. December 26, 1950, p. 2. (In Russ.).
11. Propp V. Ya. *Russkii geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1955, 552 p. (In Russ.).
12. *Fol'klor. Problemy istorizma* [Folklore. The problems of historicism]. Otv. red. V. M. Gatsak. Moscow, Nauka, 1988, 296 p. (In Russ.).
13. Veselovskii A. N. *Iz lektsii. Sobranie sochinenii. T. 1* [From a lecture. Collected works. Vol. 1]. Saint Petersburg. Tip. M. M. Stasulevicha, 1913, 386 p. (In Russ.).
14. Kravtsov N. I. *Serbskii epos i istoriya* [Serbian epic and history]. In: *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1948, No. 3, pp. 90-107. (In Russ.).
15. Propp V. Ya. *Russkii geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. 2-e izd. Moscow, Gosizdat khudozhestvennoi literatury, 1958, 604 p. (In Russ.).
16. Propp V. Ya. *Fol'klor i deistvitel'nost'. Izbr. stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow, Nauka, 1976, 325 p. (In Russ.).
17. Putilov B. N. *Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora* [Methodology of the comparative historical study of folklore]. Leningrad, Nauka, 1976, 244 p. (In Russ.).
18. Sagitov I. T. *Karakalpakskii geroicheskiy epos* [Karakalpak heroic epic]. Tashkent, FAN, 1962, 107 p. (In Russ.).
19. Konyratbaev A. *Kazakhskii epos i tyurkologiya* [Kazakh epic and turkology]. Alma-Ata, Nauka, 1987, 386 p. (In Russ.).
20. Orozova G. Zh. *Istorizm v kyrgyzskikh narodnykh poemakh i tipologiya printsipov istorizma* [Historism in Kyrgyz folk poems and typology of the principles of historicism]. In: *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhie scientific bulletin]. 2016, No. 5 (57), pp. 117-128. (In Russ.).
21. Petrosyan A. A. *Istoriya naroda i ego epos* [The history of the people and their epic]. Moscow, Nauka, 1962, 216 p. (In Russ.).
22. Skaftymov A. N. *Poetika i genezis bylin* [Poetics and genesis of epics]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1994, 320 p. (In Russ.).
23. Sokolov Yu. M. *Russkii bylinnyi epos: problemy sotsial'nogo genezisa* [Russian epic: problems of social genesis]. In: *Literaturnyi kritik* [Literary critic]. 1937, No. 9, pp. 186-188. (In Russ.).
24. Azadovskii M. K. *Sovetskaya fol'kloristika za 20 let* [Soviet folklore for 20 years]. In: *Sovetskii fol'klor. Vyp. 6* [Soviet folklore. Iss. 6]. Moscow, Gosuchpedizdat, 1939, pp. 3-53. (In Russ.).
25. Nikiforov A. I. *Fol'klor Kievskogo perioda* [Folklore of the Kiev period]. In: *Istoriya russkoi literatury. T. 1* [History of Russian literature. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1941, pp. 237-256. (In Russ.).

26. Astakhova A. M. *Bylinnoe tvorchestvo severnykh krest'yan* [Epic creativity of the Northern peasants]. In: *Byliny Severa. T. I* [Northern bylinas. Vol. 1]. Moscow, AN SSSR, 1938, pp. 7-105. (In Russ.).
27. Chicherov V. I. *Ob etapakh razvitiya russkogo istoricheskogo eposa* [On the stages of development of the Russian historical epic]. In: *Istoriko-literaturnyi sbornik* [Historical and literature collection]. Moscow, AN SSSR, 1947, pp. 3-59. (In Russ.).
28. *Fol'klor. Poeticheskaya sistema* [Folklore. Poetic system]. Otv. red. V. M. Gatsak. Moscow, Nauka, 1977, 343 p. (In Russ.).
29. Grekov B. D. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Moscow, Nauka, 1953, 568 p. (In Russ.).
30. Rybakov B. A. *Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopis'* [Ancient Russia. Legends. Epics. Annals]. Moscow, Nauka, 1963, 361 p. (In Russ.).
31. Plisetskii M. M. *Istorizm russkikh bylin* [Historicism of Russian epics]. Moscow, Vysshaya shkola, 1962, 240 p. (In Russ.).
32. Kravtsov N. I. *Problemy slavyanskogo fol'klora* [Problems of Slavic folklore]. Moscow, Nauka, 1972, 360 p. (In Russ.).
33. Kravtsov N. I. *Serbskii epos* [Serbian epic]. Moscow, Gospolizdat, 1960, 359 p. (In Russ.).
34. Azbelev S. N. *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [Historicism of epics and the specifics of folklore]. Avtoref. ... k. filol. n. Kiev, 1984, 44 p. (In Russ.).
35. Azbelev S. N. *Istorizm bylin i spetsifika fol'klora* [Historicism of epics and the specifics of folklore]. Moscow, Nauka, 1982, 327 p. (In Russ.).
36. Likhachev D. S. *"Epicheskoe vremya" russkikh bylin* ["Epic time" of Russian epics]. Moscow, Nauka, 1952, 152 p. (In Russ.).
37. Likhachev D. S. *"Epicheskoe vremya" russkikh bylin* ["Epic time" of Russian epics]. In: *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Russian folk poetic creation]. Moscow, Vysshaya shkola, 1986, pp. 334-351. (In Russ.).
38. Emel'yanov L. I. *Metodologicheskie voprosy fol'kloristiki* [Methodological issues of folklore]. Avtoref. ... d. filol. n. Leningrad, 1979, 36 p. (In Russ.).
39. Emel'yanov L. I. *Metodologicheskie voprosy fol'kloristiki* [Methodological issues of folklore]. Leningrad, Nauka, 1978, 206 p. (In Russ.).
40. Meletinskii E. M. *Pervobytnoe nasledie i arkhaiskii epos* [Primeval heritage and archaic epic]. Moscow, Nauka, 1964, 12 p. (In Russ.).
41. Meletinskii E. M. *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaiskie pamyatniki* [Origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments]. Moscow, Izd-vo vostochnoi literatury, 1963, 462 p. (In Russ.).
42. Kozlovskii S. V. *Il'ya Muromets i ego vremya: istoriografiya i perspektivy izucheniya obraza bylinnogo geroya* [Ilia Murometz and his time: historiography and prospects of studying the image of the epic hero]. In: *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas]. 2016, iss. 5, pp. 177-189. (In Russ.).
43. Ageeva R. A. *Strany i narody: proiskhozhdenie nazvanii* [Countries and peoples: the origin of the names]. Moscow, Nauka, 1990, 229 p. (In Russ.).
44. Gumilev L. N. *Etnosfera. Istoriya lyudei i istoriya prirody* [Ethnosphere. History of people and history of nature]. Moscow, Ekopros, 1993, 544 p. (In Russ.).